

Виталий Новиков

Карма капитана Алексеева

«Selfpub.ru»

2015

Новиков В.

Карма капитана Алексеева / В. Новиков — «Selfpub.ru»,
2015

Капитан полиции Алексеев терпит постоянные выносы мозга женой из-за своей бедности. Он говорит жене, что ему предложили заработать лёгкие деньги преступным путём. Коварная жена и не думает отговаривать Алексеева от необдуманного шага.

© Новиков В., 2015

© Selfpub.ru, 2015

Карма капитана Алексеева.

роман

1.

– Я больше так не могу.

Марина картинно закатила глаза, приложила правую руку к стене и упёрлась лбом в эту руку, другую руку, оперев при этом кулаком по-хозяйски в бок.

Глебу показалось, что на её румяной щеке блеснула слеза.

Он скромно, ссутулившись, сидел за столом и ел белой пластмассовой вилкой приготовленный женой «доширак». Рядом с «дошираком» дымился чай из пакетика.

В такие тяжёлые минуты часы в большой комнате тикали особенно громко.

– Тебе ведь наплевать на меня. Тебе просто насрать. На меня. На всё. На себя. На наше будущее.

Марина, тонкая брюнетка с длинными прямыми волосами с утончёнными чертами лица, утончённая стерва, периодически утончённо изводила мужа выносами мозга и капризами.

– Бревно. Столб телеграфный. Бездушный увалень.

Отойдя от стены, она села за стол напротив мужа.

Глеб на секунду поймал колющий взгляд жены и опустил глаза вниз, сосредоточившись на еде. Процесс приёма пищи доставлял ему больше удовольствия, чем общение со сварливой женой.

– Ты можешь со мной нормально поговорить? Ты – жалкий неудачник. Зачем я с тобой связала свою жизнь? Пять лет. Целых пять лет псу под хвост! Пять лет глупых, смешных надежд на то, что что-то изменится. Какая же я была дура. Неужели ничего нельзя изменить?

Марина не унималась.

– Можно, – буркнул Глеб.

– Что?! Ты говоришь, можно? Мой муж мне хочет что-то предложить. Я не верю своим глазам и ушам. Что? Что ты хочешь мне предложить?

– Предлагаю заняться сумасшедшим сексом.

Марина вскочила так, что табуретка чуть отскочила назад и едва не повалилась.

– Ублюдок! Не получишь никакого секса!

– Сука.

Марина резко подскочила к раковине и с видом одержимой злыми духами припадочной принялась мыть посуду.

Она не давала мужу уже две недели, таким образом, наказывая его за непослушание, плохое поведение и вредный характер.

– Мне халтурку предложили, – сказал спокойно Глеб.

– Что такое?

– Срубить денег по-лёгкому. Две тысячи евро.

Выражение лица Марины преобразилось, став более мягким и радушным. Серые глаза заблестели. Она вытерла руки полотенцем и села снова за стол напротив мужа.

– Что нужно делать?

– Перевезти сумку с амфетаминами из Тверской области в Звёздный.

– Это наркотик?

– Наркотик.

«Дурак, – подумала Марина. – Мог бы мне ничего не говорить об этом. Провернул бы всё тихо и принёс мне деньги; а я бы и не спрашивала, откуда они».

Глеб пил чай.

Марина сосредоточенно что-то обдумывала.

Легли спать под разными одеялами. Глеб как обычно лежал на боку с краю, повернувшись задом к жене.

– Глеб.

– Чего?

– Повернись ко мне.

– Зачем? Я спать хочу.

– Хватит вредничать.

Глеб перевернулся на спину. Марина нежно прижалась к его холодному плечу.

– Глеб, я боюсь за тебя.

– Зря я тебе всё это сказал. Это тухлое дело. Незачем мне за него браться.

– Подожди, не горячись. Глебушка, многие же так зарабатывают. Подумаешь наркотик.

Пусть дураки ими травятся, если им их жизнь не дорога. Умные не покупают эту дрянь.

Пусть дураки вымирают.

– А, если меня посадят?

– Не посадят, ведь ты аккуратно всё сделаешь.

– Стрёмно это.

– Что можно купить на две штуки евро? Может, ремонт сделаем в ванной? Или купить мне платье? Я давно уже себе ничего такого не покупала.

– Я тоже.

– Глеб.

– Ну чего?

Марина провела пальцами по телу мужа от груди вниз.

– Я соскучилась без твоей любви, милый.

Капитан полиции Глеб Алексеев шёл по коридору отделения полиции в голубой форме: рубашке с погонами и брюках без головного убора. Сзади открылась дверь, из-за которой выглянул пухлый майор Зимин.

– Глеб.

Глеб обернулся.

– Глеб, зайди.

Глеб развернулся и подошёл к майору.

– Глеб, надо выехать срочно на улицу Леонова. Там труп – пятнадцать ножевых кухонным ножом.

– Зять разделался с тещей?

– Наоборот теща с зятем.

– Миш, ты же знаешь, я не выношу вид трупов и кладбища. Хочешь, я тебе куплю бутылку коньяка. Пошли Олега или Костю.

– Мне уже некуда девать твои бутылки. Глеб, придётся тебе поехать.

– Ладно. Только улажу кое-что.

Глеб постучал в дверь кабинета начальника отделения полковника Пиявкина.

– Проходите, – громыхнул басом Пиявкин.

Глеб вошёл.

– Григорий Иванович, я подумал над вашим предложением. Мне оно понравилось.

Пиявкин достал из ящика стола файл и бросил его на стол.

– Тут ключи от машины и доверенность на неё.

– Когда выезжать?

– Завтра утром.

Глеб забрал файл и ушёл.

Ближе к вечеру в кабинет Пиявкина заглянул на огонёк его заместитель подполковник Бухарев. У Бухарева было большое красное алкоголичное лицо с глубоко посаженными глазами. Волосы у него были жёлтого цвета непослушные. Китель расстёгнут. Пиявкин был седым и сухим с крупным носом и морщинами на лбу пятидесятилетним крепышом. Он достал из сейфа коньяк, рюмки и плитку шоколада. Рюмки наполнились коричневой жидкостью. Пиявкин поставил коньяк на стол.

– Давай за нашу доблестную полицию, – произнёс тост Пиявкин.

– Давай, – согласился Бухарев.

Проглотили коньяк, выдохнули. Бухарев довольно крикнул.

– Зря ты, Григорий Иванович, поручил дело с таблетками Алексееву, – сказал Бухарев.

– Это почему?

Пиявкин меньше года назад был назначен начальником отделения, а до этого служил в другом месте и не так ещё хорошо знал коллектив.

– Неудачник он, – продолжил Бухарев. – Однажды он перепутал адрес преступника и ворвался в квартиру одного местного депутата, устроил там переполох, положил депутата мордой в пол, жена его потом долго лежала в больнице, лечила нервы. Он за какое дело не возьмётся, обязательно доведёт его или до абсурда или развалит его. Его первая жена убежала от него. Мой Антоха лучше бы справился с этим заданием.

Сын Бухарева служил в звании старшего лейтенанта в другом отделении города.

– Не жалко сына? – поинтересовался загадочным тоном Пиявкин.

– А что? Пускай парень денег заработает.

– Какие же вы все алчные. Я не должен был тебе это говорить, Степан. Есть у меня секретная информация. Завтра возможно будет облава в городе. Областной отдел по борьбе с наркотиками спланировал какую-то операцию.

– Ого. Это меняет дело. Спасибо тебе, Григорий Иванович, ты настоящий товарищ, человек. Хочу выпить за тебя.

Пиявкин включил магнитофон.

Пело «Любэ»:

– Рассея моя ты Рассея

От Волги до Енисея.

Полицейские начальники подпевали.

Песня кончилась.

– У меня родился тост.

Бухарев поднял наполненную наполовину рюмку.

– Давай выпьем за нашу любимую родину – Россию. За то, чтобы она процветала и богатела. За то, чтобы она была самой сильной и самой лучшей.

– Ура, – поддержал тост Пиявкин.

– Ура!

Глеб в час дня уже был около заправочной станции, окружённой лесом, в Тверской области, где ему передали спортивную сумку синего цвета с красными полосами. Сумку отдал ему молодой парень с длинными волосами, вышедший из красной иномарки. Номер этой машины был для Глеба ориентиром. Глеб кинул сумку в багажник и сел за руль. Двигатель мерно заурчал, и машина двинулась в сторону Московской области. Глеб ехал на подержанном японском джипе. Ему редко доводилось ездить на таких автомобилях, чаще он водил машины отечественного производства во время исполнения служебных обязанностей. Своего авто у него никогда не было.

Дорога тёмной полосой уходила вдаль через поле. Поля сменяли леса. Трухлявые старые убогие деревни сменялись дачными посёлками с ухоженными домами и ровными заборами.

Глеб вспомнил Марину, как она была с ним ласкова в последний раз. Всё из-за двух тысяч евро. Он не имел никаких иллюзий относительно искренности чувств Марины. Зачем он сказал ей про это дело? Он уже решил, что возьмётся за него, потому что устал от бедной жизни, от постоянных упреков и капризов жены. Бедность, как огромный пресс давит людей, делает их слабыми, сломленными и злыми. Глебу хотелось только, чтобы жена успокоилась. Ему деньги не особо были нужны. Он и не знал, на что их можно было потратить. Крыша над головой у него была. Еда в холодильнике есть. Что ещё нужно?

Марина. Неужели он купился на её красивую и яркую оболочку, за которой скрывалась загадочное тёмное существо, которое было трудно разгадать за время первых встреч и начала совместной жизни. Они познакомились шесть лет назад. Марина приходила в отделение навестить своего непутёвого брата, задержанного за хулиганство. Глеб проводил её тогда до дома. С этого всё началось. Тогда он был ещё страшим лейтенантом. Наивная Марина думала, что ему светит большая карьера. Глеб читал много книг и рассказывал много интересных историй. Марина спутала ум и успех. Ум, увы, не всегда сопутствует большому успеху в жизни. Глеб мало зарабатывал. Иногда он добывал средства незаконным путём, совершая незначительные преступления. И этих денег было мало. Авантюра с амфетаминами была, пожалуй, самым злостным преступлением Глеба с начала его карьеры в правоохранительной системе. Когда Глеб думал об этом, он улыбался. Странно, ему это было смешно. Трудности и страдания не всегда закаляют характеры; чаще они ломают души, делая их более циничными и озлобленными. Марина, хоть и была из простой рабочей семьи, амбиции у неё были на уровне какой-нибудь аристократки или преуспевающей бизнесвумен. Она была по своей природе очень завистлива. Ей не давали покоя преуспевающие люди. Она каждый раз кипела от ярости, когда видела людей разъезжающих на дорогих машинах, носящих красивую модную одежду. Почему она не может так жить? Почему Глеб не может заработать денег? Она понимала, что видимо это судьба; и от этого ещё больше злилась. Она сначала не хотела заводить детей, боясь бедности. Потом, когда она забывала о предохранении, беременности всё равно не случались. Глеб не настаивал на том, что им необходимо рожать детей, переживая из-за их будущего. Семья не клеилась. Часто Глеб приходил к мысли, что союз с Мариной это ошибка.

Показались знакомые очертания домов: частный сектор, с которого начинался Звёздный. Миновав частные дома, Глеб переехал мост, перекинутый через маленькую речку, и оказался уже в городе с обычным для города видом: дома и здания в несколько этажей, обилие магазинов и рекламы.

Нужно было проехать весь город до конца и заехать в пригородный посёлок городского типа. На окраине этого посёлка около гаража номер восемнадцать Глеба уже ждали.

Глеб ехал мимо парка. На обочине стояла патрульная машина, из которой выполз высокий соломенноволосяный полицейский с жезлом. Незнакомая физиономия. Глеб знал в своём городе, кажется, всех полицейских. Полицейский махнул жезлом, приказывая Глебу остановиться.

Глеб припарковал джип у обочины.

Из патрульной машины выбрались ещё два полицейских с автоматами и один мужчина с большой головой в белой рубашке и серых брюках. Он подошёл к машине Глеба вместе с полицейским, останавливавшим его машину жезлом.

— Капитан Смирнов, отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков Московской области.

Мужчина в белой рубашке представился и показал ксиву в раскрытом виде.

– Покажите, пожалуйста, что у вас находится в багажнике.

Глеб похолодел. Неужели его подставили? Но за что?

Он вышел из машины, открыл багажник. Один автоматчик открыл сумку.

– Что это? – спросил Смирнов.

– Не знаю, – отвечал Глеб.

– Мы вынуждены вас задержать.

На руки Глеба надели наручники, после чего его посадили в машину, которая подъехала спустя несколько минут и повезли в Москву.

2.

Глеба допрашивал сухой худой мужчина в сером пиджаке и белой рубашке с большим тёмным галстуком. У этого следователя была большая лысина. Остатки его волос имели чёрный цвет. На крючковатом носу плотно сидели очки с толстым стеклом.

– Куда вы направлялись, Глеб Михайлович?

– Никуда. Просто катался.

– Чья это машина?

– Олега Ивановича Прошкина.

– В каких вы с ним отношениях?

– Общались немного.

– Вы друзья?

– Да нет, не сказал бы.

Глеб не знал хозяина машины, на которой он ехал, даже не представлял, как он выглядит.

– И при этом Прошкин вручил вам ключи от своей машины? – продолжил допрос следователь.

– Как видите.

– Здорово. С чего бы такая щедрость?

– Сам удивляюсь.

– Может быть, вас попросили исполнить какое-либо дело? Перевезти что-то из точки А в точку Б?

– Нет.

– Зачем же вам тогда понадобилась машина Прошкина?

– Хотел просто покататься.

– Просто покататься?

– Да.

– Где вы катались?

– По городу, по окрестностям.

– Странный вы человек, Глеб Михайлович. Малознакомые люди дают вам покататься на своих машинах. Вы знаете, чем занимается Прошкин?

– Нет, не спрашивал его об этом.

– При каких обстоятельствах вы общались с ним?

– Не помню. На шашлыках, вроде, в последний раз. Я тогда много выпил.

– Что было в сумке, лежавшей в багажнике?

– Не знаю.

– Это ваша сумка?

– Нет.

– Прошкина?

– Может быть. Не знаю.

Глеба привели в одиночную камеру с серыми сырыми стенами. Через окно вверху стены пробивался желтовато-белый свет. Хорошо, что он оказался один. Самое время всё обдумать. Ведь ему могут вклеить по-полной. Сколько интересно дают за сбыт наркотиков? Он не помнил этой статьи. Это конец. Глеб уткнулся лицом в грязную подушку.

Не надо было влезать в эту грязь. Зачем он согласился на это дело? Из-за жены? Это оправдание своего проступка, преступления. Она же не приставляла к его голове пистолет, заставляя идти на преступление. Жил он плохо и бедно, а теперь будет всё ещё хуже.

На другой день Глеба снова вызвали на допрос. В этот раз его допрашивал следователь, назвавшийся Огнёвым Иваном Ивановичем. Это был тридцатитрёхлетний мужчина с несколько скуластым лицом и светлыми волосами. Под жёлтой рубашкой явно выступали мускулы. «Спортсмен», – мысленно заключил Глеб.

– Как выглядит Прошкин Олег Иванович? – начал Огнёв.

– Обычно.

– Точнее, пожалуйста.

– Зачем вам это?

– Ну, крупный такой мужчина.

– Крупный?

– Крупный.

– Сколько ему лет?

– Я его не спрашивал.

– На вид?

– Около сорока.

Огнёв выложил на стол перед Глебом пять цветных фотографий мужчин.

– На какой из них он?

Глеб наугад указал на крупноголового мужчину с сердитым лицом.

– Здесь нет фото Прошкина.

– Как нет? А этот?

Глеб глазами указал на выбранное им фото.

– Это не он.

– Хватит нам морочить голову, Глеб Михайлович. Как у вас оказалась машина Прошкина? Кто вам дал на неё доверенность и ключи от неё?

– Я отказываюсь давать показания, следуя законному конституционному праву не давать показания против себя.

– Что ж. В опасные игры играете, Глеб Михайлович.

– Мне нужен адвокат.

Что-то пошло не так в этом деле. Глеб пытался угадать, что же случилось? Кто такой этот Прошкин? Бандит, наверно, какой-нибудь. Почему его мало спрашивают про амфетамины? Не спрашивают, у кого он их взял?

Глеб лежал на спине на шконке в камере и размышлял.

Он был среднего роста с немного резкими чертами лица, кареглаз, русоволос. В сентябре ему должно будет стукнуть тридцать три года.

Утром тяжёлая дверца камеры со скрипом растворилась.

– На выход, – скомандовал контролёр.

Глеб вышел в коридор. Его проводили в комнату, где выдали его личные вещи. Офицер сказал:

– Вы свободны.

Глеб вышел из здания изолятора. Был жёлтый июльский душный день. Глеб был рад этой духоте, этому горячему невкусному воздуху.

Просигналила машина.

Глеб увидел корейскую машину красного цвета Бухарева.

Глеб подошёл.

– Степан Ильич, вы за мной?

– За тобой, садись.

Глеб сел в машину.

Двинулись из Москвы в Звёздный.

По дороге не разговаривали.

Не доезжая пяти километров до Звёздного, Бухарев свернул в берёзовую рощу.

Глеб не сразу узнал это место. Тут в глубине леса находился ресторан «У лешего» с банями и прудами для рыбалки. Ресторан представлял собой двухэтажный сруб.

Бухарев поставил машину перед рестораном.

– Идём, – сказал он.

Они поднялись на второй этаж ресторана.

– Туда.

Бухарев указал рукой на столик у окна, на котором красовались дорогая закуска и два графина с водкой и коньяком.

Уселись.

– Махнём сначала, – предложил Бухарев и разлил водку в рюмки. – За свободу.

Выпили.

Глеб закусил оливками и куском ветчины.

– Ты – молодец, Глеб, никого не сдал, – говорил Бухарев. – Ты, наверно, ничего не понимаешь. Почему тебя освободили? В той сумке была липа. Поэтому у этих шакалов нет ничего против тебя. Хорошо, что они тебя не прессанули. Если бы не машина. Эта тачка числится за одним членом местной опг. Теперь тебя будут вызывать в УСБ. Это не так страшно. За то, что ты ездил на машине бандита, тебя не посадят. Нет такой статьи, ещё не придумали. Плохо то, что на тебя пришла уже бумага в отделение. Так что тебя, извини, придётся уволить. Иваныч не хочет тебе это сообщать, поручив это неприятное задание мне. Чистоплюй сраный. Я, вообще, не в курсе, кто и как планировал эту операцию. Чья это была идея сунуть тебе сумку с липой? Но это лучше чем, если бы тебя взяли с наркотиками. Возможно, за тобой шли машины с настоящим товаром. Заказчики расплатились с нами; так что ты получишь то, что тебе обещали.

Выпили ещё.

У Глеба был отстранённый и несколько потерянный вид.

– Не огорчайся, – пытался взбодрить его Бухарев. – Найдёшь работу лучше этой. Что хорошего в нашей службе?

– Я ничего не умею делать. Я в жизни ничего не держал тяжелее пистолета и авторучки.

– Вот. Иди в охрану. Там тебе выдадут пистолет и авторучку для отгадывания кроссвордов.

– Шутите?

– Я сам скоро стану таким же сторожем, когда уйду на пенсию.

– С вашими то связями.

– Какие связи? Это так. Пока ты на службе – ты ещё кому-то нужен, а потом крутись, как можешь.

На этом этаже находились два бильярдных стола. Около одного стола ходил крепкий мужчина со спортивной стрижкой с кием в руке. Он курил сигарету и морщил всё лицо, когда затягивался. Он в одиночку гонял шары. Рядом с ним стояла красивая девушка в полосатой чёрно-белой футболке.

Глеб отдал все добытые преступным путём две тысячи евро жене.

Марина, когда мужа не было в комнате, иногда доставала хрустящие купюры из книжки и балдела, вдыхая их особенный горький ядрёный запах.

Она была рада тому, что мужа уволили из полиции. Вечером, вернувшись домой с работы, она принесла большой журнал, в котором публиковались вакансии. Авторучкой она выделяла приглянувшиеся ей предложения.

Глеб, лёжа на диване, читал французский детектив при свете ночника. Он вздохнул и отложил книгу на пол.

- Нашла чего?
- Много хороших предложений. Есть по шестьдесят и по сто тысяч.
- Не пойти ли тебе в риелторы или менеджеры по продажам?
- Я в этом ничего не понимаю; могу им всё развалить.
- Чего там разваливать?
- Не знаю, неуверенность какая-то гложет.
- Тогда охранником.
- Кроссворды разгадывать? Давай.
- А что если инкассатором? Сорок тысяч.
- Опять ходить с пистолетом.
- Ты же любишь это.
- Любил.

Глеб поглядел с грустью на книжные полки, уставленные сверху донизу российскими и зарубежными детективными романами. Он с детства мечтал стать милиционером, ловить преступников, раскрывать загадочные преступления. Сразу после школы он поступил в академию МВД. Всё ему в службе нравилось, кроме зарплаты, трупов, моргов и кладбищ.

3.

Начальник охранной фирмы Игорь Иванович Голубев был очень похож на артиста Романа Мадянова. В его кабинете со стенами оливкового цвета висели портреты Дзержинского, Сталина, Путина, его с молодой женой на фоне голубого моря. Он сидел за столом и вертел белую ручку. Глеб сидел напротив него.

- Почему уволили или уволился? – сухо спросил Голубев.
- Меня не устраивала маленькая зарплата.
- Разве только за зарплату у нас в полиции люди работают?
- За других ничего сказать не могу.
- Молодец.
- Мне нужны такие честные и brave. Стреляешь хорошо?
- Неплохо.
- Что ж, оперативный опыт – это здорово. К алкоголю, как относишься?
- По праздникам иногда позволяю себе немного.
- Да, по праздникам можно.

В инкассаторской машине было тесно. За рулём сидел Серёга Берёзин молодой парень с оттопыренными ушами и простоватым деревенским лицом. В салоне устроились Глеб и Иван Львов, которого все звали Вадимыч по отчеству. Вадимыч получал военную пенсию. Он говорил, что служил в десантных войсках, но ребята из охранной фирмы шептались, что на самом деле он был то ли танкистом, то ли ракетчиком. У Вадимыча было типичное для военного серьёзное лицо, которое от времени посерело и покрылось изрядно морщинами; волосы поседели на девяносто процентов. Вадимыча потянуло на дискуссию.

- Грёбанные банки.

– Вадимыч, чем тебе банки не угодили? Мы живём, за счёт них, – весело вступил в диспут Серёга, сворачивая направо.

– Олух царя небесного, эти уроды грабят людей.

– Зато можно машину в кредит купить или квартиру в ипотеку.

– На таких дураках, как ты, они делают миллионы, даже миллиарды и в ус не дуют, а ты потом последние штаны им отдашь.

– Я доволен, что машину в кредит взял. Сразу купил и едешь, только плати взносы раз в месяц. А так, хрен ты, когда накопишь.

– Дурачьё. Даже в святом писании ростовщичество осуждается и во всех правильных религиях. Эта зараза хуже сифилиса.

– Ну, ты загнул.

– Повзрослеешь – вспомнишь мои слова.

– Ты разве ничего не брал в кредит?

– Брал. Компьютер дочери купили в кредит. От этого никуда не денешься, а раньше обходились как-то без этого.

– Ты ещё вспомни, что было при царе Горохе.

– Не сознательный ты человек, Серёжа. Нас дураят, а тебе всё смешно. Эти банкиры берут кредиты в Европах под четыре процента, а нам дают под двадцать пять-тридцать процентов. Тебе не обидно, что нас так наёбывают?

– Ну, согласен, это плохо; а, что ты предлагаешь? Революцию сделать? Нас же посадят или убьют.

– Не знаю.

– Не знаешь, чего тогда кипешь поднимать.

– Мне за страну обидно, за народ.

– Забил себе голову всякой хренью. Лучше о себе думай. Народу и стране насрать на тебя.

– Вот оно новое поколение эгоистов и конформистов. Тьфу!

Берёзин припарковал машину около торгового центра.

Вадимыч и Глеб вышли быстро с пустыми мешками для денег в руках. У входа в центр сновало много народу. Глеб быстро выхватил опытным взглядом оперативника подозрительного типа, копающегося в сотовом телефоне. Тип поглядывал то и дело в сторону инкассаторов. Глеб решил, что это грузин. Он хорошо разбирался в этносах.

Прошли в центр, а потом в подсобное помещение супермаркета, откуда забирали деньги. Глеб рассказал о подозрительном кавказце Вадимычу.

– Да ну, я что-то не обратил внимание на него, – сказал он.

– Давай так, я возьму один мешок с деньгами и буду держать руку на кобуре на изготровке и выйду первым из центра. Если всё будет спокойно, я подам сигнал рукой, и ты выйдешь следом за мной.

Так и сделали.

Около подозрительного типа собрались ещё два его земляка. Они скучковались у колонны в стороне от выхода. Один кавказец был в джинсовой куртке и держал руки в карманах джинсов. Глеб подумал, что у него может быть там пистолет. Он вышел, держа правую руку на рукоятке пистолета, остановился. Кавказцы посматривали на него. Он на них. Так прошло минуты две. Вадимыч толкнул Глеба в спину.

– Пошли, Пинкертон.

Забрались в машину. Сергей завёл машину. Поехали.

– Мне раньше тоже, в начале работы, кругом мерещились бандиты и грабители, – сказал Вадимыч.

– Возможно, они планируют нападение, – не унимался Глеб.

– Успокойся, тут не полиция. Мы не можем к ним подойти и потребовать их показать документы.

Глеб прочитал: Эммануэль Арсан «Эммануэль Антидевушница». Ничего себе. Марина читала книгу при свете ночника, укрывшись до живота одеялом. Глебу сразу не понравилась эта книга, но он не подал виду. Близилась ночь. Глеб пошёл покурить на балкон. Вид с незастеклённого балкона был привычен: трансформаторная будка из старого красного потрескавшегося кирпича, маленький двор с детской площадкой и соседний жёлтый двухэтажный дом.

Квартира Глебу досталась от отца, а тому от деда – его отца. Отец Глеба умер девять лет назад. Квартира с двумя комнатами и раздельным санузлом находилась на третьем этаже. Ремонт Глеб никогда не делал. Его первая жена Галина успела только поклеить новые обои в большой комнате и прихожей.

Марина была ленива в последнее время в постели. И тут на тебе – Эммануэль. В душу Глеба закрались страшные подозрения. Эммануэль – это тебе не простой любовный романчик.

Глеб посмотрел на предзакатное сиренево-лиловое небо и пустил в него плотную серую струю никотинового дыма.

Марина работала диспетчером на автобазе. А что такое автобаза? Это толпа мужиков водителей автобусов, грузовиков и дальнбойщиков, которых Глеб называл дальнбйщиками. Куча мужиков и немного женщин. Мужики те ещё, в основном, не отягощённые вопросами морали и глубоким интеллектом. Глеб делил водителей на два вида: алкоголики и блядуны. Не может быть, чтобы к Марине никто не подкатывал. Наверняка у них случаются какие-то вечеринки и посиделки. Глеб и раньше во время службы в полиции, будучи на дежурствах и по иным причинам не ночевал дома. С такой работой легко можно получить рога от жены в награду за предоставление ей свободного времяпровождения в иные вечера и ночи.

Она хитрая лиса, но чтобы она изменила ему? Нет. Она осторожная и всё время даёт моральные оценки другим женщинам. Это не просто так. Она не любит разврат и распущенность. Ей скучно и она развлекает себя глупыми фантазиями.

Глеб как будто сумел успокоить себя.

Но Эммануэль!

Он пришёл в комнату. Марина ещё читала. Глеб начал раздеваться. Марина положила книгу на тумбочку. Глебу не понравилась её улыбка.

– Дорогой, чем будешь завтра заниматься? – спросила Марина.

– Что-нибудь придумаю.

Следующий день был у него выходным.

– Грёбанные времена.

Вадимыч нашёл новую тему для диспута.

Инкассаторы в привычном составе ехали в очередную точку за деньгами.

– Согласен.

Сергей видимо не был настроен спорить в этот день.

– Жить тошно в такое время.

Вадимыч продолжал развивать тему.

– Вот раньше жизнь была. Мой отец был военным. Дослужился до майора.

– Так ты у нас потомственный сапог, – не удержался и подколот пенсионера Берёзин.

– Не перебивай, глупец. Чего ты понимаешь? Ты не жил в те великие времена.

– Чем же они велики?

– Тебе не понять этого никогда. Тогда каждая честная женщина считала своим долгом дать при первой же просьбе военному. Человека в погонах чтили и уважали. Военным давали квартиры и платили хорошие зарплаты. Потому что там. – Вадимыч указал рукой вверх. – Понимали, что на военных всё держится. Мы же полмира держали за яйца в ежовых рукавицах. Нас боялись и уважали.

– Так и теперь говорят, что мы встали, наконец, с колен.

– И ты веришь этому? Посмотри вокруг. Никто ни хрена не работает. Половина мужиков в охране сидит и в полиции, половина в канавах пьяная валяется. А при советской власти фабрики и заводы работали.

Подъехали к точке. Вышли из машины. Глеб изучил небрежным взглядом обстановку. Всё было рутинно и суетно, как обычно.

Прошла неделя.

Инкассаторская машина плелась в сторону банка, в который нужно было сдать три мешка с наличкой.

– Ты чего такой грустный? – заметил настроение Глеба Вадимыч.

– Сам не пойму.

– В семье что-то?

– Да так мысли какие-то непонятные.

– Жена?

– Ты телепат, Вадимыч.

– Я не телепат, а долго живу на этом свете. Я сразу, как тебя увидел, понял, что у тебя не всё хорошо в семье. Ты меня уж извини за прямоту, Глеб.

– Да у меня нет никаких доказательств, чтобы обвинять её в чём-то.

– А доказательств и не надо. Сердце оно само, как доказательство. Оно не обманет. Где она работает?

– На автобазе.

– Ох ты.

– Что?

– Да ничего, конечно, это ещё не диагноз; но я бы проявил внимательность к её поведению.

– Я пытался вчера влезть в её мобильный телефон, пока она мылась в ванной. Ей звонил три дня назад какой-то Шлёпкин. Никаких смс-сообщений от мужиков я не нашёл.

– Шлёпкин – говорящая фамилия.

– Может, это её начальник?

– Она тебе не говорила, какая фамилия у её начальника?

– Нет.

– Скрытная женщина. Видимо есть что скрывать.

Встрял в разговор Берёзин:

– Вадимыч, ты сейчас накрутишь человека, и он сон потеряет, будет мысли дурные гонять в голове.

– Не мешай людям обсуждать дело. Тебе что наплевать: изменяет тебе жена или нет? – обратился к нему Вадимыч.

– Я не хочу думать об этом.

– Ты бы простил измену, если узнал о ней?

– Может и простил бы.

– Я знал, что ты тряпка и приспособленец.

– Ну, спасибо.

– Я всегда правду говорю в глаза, Серёг, так что ты не должен обижаться. А с тобой, Глеб, мы вот что сделаем. Я пойду на автобазу и поговорю с кем-нибудь из водителей о твоей жене, предложу водочки выпить для начала, а там потихоньку, полегоньку и подведу разговор к твоей супруге. Я умею проводить такие расследования.

– А ты, Вадимыч, оказывается, ещё и мастер шпионажа, – попытался сострить Сергей.

– Ты мне в подмётки не годишься. Однажды я так вывел на чистую воду жену своего друга – сослуживца Костика Никитина. Она работала в школе учительницей. Костику кто-то намекнул, что она ходит налево. Я и взялся помочь ему узнать правду. Пошёл я тогда в школу. Бродил я по коридорам, изучал контингент школьный. Смотрю, мужик идёт с красной мордой и колочим взглядом. Думаю: наш человек, предложил ему выпить. Он и согласился. Настоящий мужик. Человечище. Это был завхоз школьный и учитель труда. Я сначала его обманул, сказал, что пришёл из-за племянника Коли. Выпили мы с ним нехило. Говорили о том, о сём. А потом я ненароком говорю, что, дескать, мой племянник Колька говорит, что учительница математики Наталья Сергеевна крутит тут роман с учителем истории. А завхоз и говорит мне на это, что не с историком, а с физкультурником у неё шуры-муры. Я спрашиваю так спокойно, будто мне наплевать на них: «У них всё серьёзно?» Завхоз сказал, что видели, как она ходила на его квартиру. Вот так легко и просто я расследовал это дело.

– Они развелись? – спросил Глеб.

– Конечно.

– Да ты жестокий человек, Вадимыч. Разрушил семью, ячейку общества, – пожурил Сергей старшего товарища.

– Ну что, Глеб, ты готов узнать всю правду? – спросил Иван Вадимыч.

– Да. Это лучше, чем терзаться подозрениями.

История, рассказанная Вадимычем, напомнила Глебу кое-о-чём из его прошлого.

Машина остановилась около отделения банка на малолюдной улице.

Все трое вышли из машины. Глеб и Вадимыч несли мешки с деньгами.

– Всё будет хорошо, когда будешь всё делать правильно, поверь мне, – поучал Глеба Вадимыч. – Я помогу тебе.

Слева резко скрипнули тормоза.

Инкассаторы обернулись в ту сторону. В двадцати метрах от них резко остановился тонированный чёрный джип, из которого выскочили два человека в чёрных одеждах и балаклавах с узкими прорезями для глаз. Как мощные удары хлыста прозвучали выстрелы.

Берёзин в мгновение согнулся и свалился мешком на асфальт. Вадимыч потянулся к пистолету, но не успел его выхватить. Две пули попали ему в грудь, а одна в голову. Он завалился навзничь, выронив мешок из рук.

Вадимыч невольно закрыл собой Глеба от пуль.

Глеб упал на землю бросив мешки в сторону и открыл огонь по нападавшим. Он стрелял почти вслепую. Прицелиться не было времени. Пули звякнули о корпус джипа, пробив его в двух местах. Грабители спасовали и бросились в машину, которая резко рванула назад.

Раздался откуда-то женский крик.

Бандиты уехали. Глеб, пошатываясь, встал. Вадимыч и Серёга лежали неподвижно. Глеб сел на корточки и перевёл дыхание. Его товарищи были мертвы.

За местом, где стала машина нападавших на инкассаторов, через лужайку на тротуаре лежало тело пожилого человека, рядом с которым сустились две женщины. Глеб только теперь разглядел их. Неужели он задел кого-то?

Шальной пулей, стреляя по преступникам, он убил пенсионера. Задел ли он бандитов, установлено не было, так как их обнаружить не удалось.

Серо-голубые стены. Мужчина с серым лицом в белом халате за большим столом. За ним широкое чёрное окно. Этому человеку форма офицера вермахта подошла бы больше, нежели белый халат. Странная мысль стрельнула в голове Глеба. Доктор курил сигарету с белым фильтром, стряхивая пепел в оловянную пепельницу. Он спросил у Глеба дату его рождения и какие нынче число, месяц, год. Глеб ответил верно. Сознание прояснилось. Что было между перестрелкой у банка и доктором, он не помнил. Сплошной сумбур, смешение лиц, фраз, красок.

– Глеб Михайлович, что вы думаете о смерти? – спросил врач.

– Я о ней не думаю, стараюсь не думать.

– Стараюсь; то есть мысли о смерти вас всё же беспокоят?

– Думаю, нет.

– Вы же служили в милиции-полиции. Как вы переносили вид смерти, мёртвых? Вам же приходилось сталкиваться с такого рода случаями.

– Я не люблю мёртвых, не люблю кладбища. Я старался не иметь дела с трупами, отлынивал по возможности от лицезрения такого рода предметов.

Доктор затушил окуроч, открыл тетрадь и сделал в ней запись.

– Ясно, я кое-что понял, – сказал он.

– Я здоров?

– Почти. Я понял природу вашего глубокого потрясения. Вы занимались не своим делом. Вам следовало бы отыскать себе дело поспокойней, не связанное с кровопролитием и агрессией. В нас живут порой как бы несколько эго, несколько я. Иногда они думают и живут слаженно и тогда в человеке всё устроено гармонично и органично. В таком случае разум, словно оркестр, играет красивую классическую симфонию. Иногда бывает наоборот. Одно эго в вас хочет, чтобы вы были полицейским, другое – художником, третье – путешественником. Тогда получается не симфония, а какофония.

– Поэтому я неудачник?

– Нет. Я не это хотел сказать. Мозг, если его представить, как расстроенный музыкальный инструмент, можно починить, настроить. Что вы помните из последнего?

– Стрельба. Иван Вадимыч и Серёга лежат окровавленные. Они, кажется, убиты. Потом ещё, кажется, кто-то был убит. Я его убил?

– Это случайность.

– Кто он?

– Пожилой мужчина. Вам нет необходимости знать о нём подробно. Это было стечение обстоятельств, рок. Вы предотвратили ограбление, испугали преступников.

– На мне кровь невинного человека.

– Вы ни в чём не виноваты. Ему было достаточно уже лет, выше российского прожиточного минимума у мужчин. Это лёгкая смерть. Может быть, мои слова прозвучат излишне цинично; но в этом можно увидеть и награду, облегчение. Что его ожидало дальше? Бедность, медленное угасание, одиночество, болезни и безысходность.

«Ему так легко рассуждать – он никого не убивал» – подумал Глеб.

В психиатрической больнице Глеба поместили в уютную одиночную палату с геранью на подоконнике и металлической кроватью. Глеб лёг.

Время от времени до его слуха доносились возгласы и вопли тяжелобольных, обитавших в соседнем отделении. За окном чернела летняя загадочная ночь.

Глеб закрыл глаза. Сон не шёл. Глеб попытался вспомнить последние слова Вадимыча, как напутствие перед уходом его в другое измерение. Что он говорил? Старый ворчун. Что надо правильно жить? Что-то в этом роде. Он был, как бог, своим словом и делом, наставлявший его на новый путь; предостерегавший его от новых бед и ошибок. Вадимыч.

Где ты теперь? В космосе путешествуешь по лучшим мирам? Он умер красиво, как настоящий мужчина, боец. О чём он говорил? Глеб подумал, что порой не слушал его внимательно, пропуская мимо ушей многие слова и мысли. Его воображение нарисовало денежные банкноты. Вадимыч ругал банки, отчего и родилась видимо эта фантазия. Банкноты словно плыли слева направо с непонятными знаками вместо букв и цифр. С них стекала кровь. Лица на банкнотах были лицами мертвецов с дырками вместо глаз. Города представляли собой руины. Деньги – вечное зло, из-за которого проливается кровь невинных, из-за которых многие терпят боль и переносят лишения. Зачем он пошёл в инкассаторы? Близко к деньгам, а значит близко к злу, к крови. Он раньше не видел знаки, как теперь. Что ж теперь он будет умнее – подальше от зла, от золота и хрустящих банкнот.

– Капитан Щипко Евгений Иванович, следственный комитет, – представился седоватый мужчина с узким лицом сорока восьми лет в коричневой рубашке, предъявляя лежащему на койке Глебу удостоверение.

– Очень приятно.

– Вы иронизируете?

– Совершенно искренне рад встрече с вами.

– А я полагаю, что вы иронизируете.

Щипко изучающе, оценивающе глядел на пациента.

Следователь навестил инкассатора в его палате. Он сел на табуретку, положив на колени чёрную кожаную папку с белым листом бумаги. В правой руке он крутил зелёную авторучку.

– Итак, Глеб Михалыч, я поговорил с вашим лечащим врачом и мне, знаете ли, нарисовалась занимательная картина. У вас выходит что-то вроде раздвоения или даже растрояния личности. Вас уволили из полиции. Почему?

– Я не хочу отвечать на этот вопрос.

– Я ожидал такой поворот. Когда есть, что скрывать – у людей не всё чисто на душе. Скрывают всегда нечто плохое, какой-нибудь грех.

– А у вас всё чисто в душе?

– Вопросы пока я задаю. Я навёл кое-какие справки. Вас подозревали в связи с криминалитетом. Дело было связано с наркотиками. Как это укладывается гармонично в тезис вашего доктора о размножении вашей загадочной личности. С одной стороны вы охраняете правопорядок, а с другой совершаете преступления.

– Что вы мне можете предъявить?

– Убит пенсионер.

– Я стрелял в бандитов.

– Бандиты целы, а пенсионер убит.

– Вы хотите, чтобы я из-за этого свёл счёты с жизнью? Вам от этого будет легче?

– Опять сводите серьёзные вещи в шутку.

– Мне не до шуток. Я пенсионера убил.

– Только пенсионера?

– На что вы намекаете?

– Не намекаю, а предполагаю.

– Вижу, вы меня изначально определили в бандиты. Как это у вас называют? Профессиональный нюх, кажется.

– Не определил ещё, а только наметил кое-какие очертания вашей личности, вашей истории. Наркотики, увольнение из органов, потом смерти инкассаторов и пенсионера. Какая-то чёрная нить тянется в вашей биографии, только где начало, где конец неясно.

– Фактов нет.

- Фактов нет, но будут – найдём.
 - Можно ли найти, то чего нет? Бандиты же не взяли деньги.
 - Видимо был какой-то сбой.
 - Был бы человек, а статья найдётся – ваша любимая схема?
 - Хамите. Я не прощаюсь.
- Щипко ушёл.

Глеб провёл ещё десять дней в больнице. Щипко приходил к нему два раза. Марина не навещала Глеба. Вадимыч был прав. Видимо и у сердца есть разум, который знает о делах любовных, больше чем мозг. Эта Эммануэль, эти улыбки.

Квартира опустела без Марины. Она вывезла все свои вещи, включая семейные и свадебные фотографии. Глеб сидел на кухне. На плите в кастрюльке варились два яйца. Почему она предала его в тяжёлую минуту? Боялась возиться с мужем-психом и неудачником? Она думала, что он превратится в овоща? Он не смог сделать её счастливой. Счастья у них имели разные значения. Он мысленно пожелал ей счастья и отпустил её.

Она в это время ехала в машине. За рулём сидел Степан Шлёпкин. Он недавно купил иномарку в кредит и собирался жениться на Марине. Они направлялись к нему на дачу, где он обычно проводил выходные и праздники. Шлёпкин был старше Марины на пятнадцать лет. До неё у него были две официальные жены и двое детей от них. У Шлёпкина было волевое и самодовольное широкое лицо. Когда-то он был красив.

- Переживаешь за него? – спросил он.
- Чувствую себя сукой и предателем.
- Сердцу не прикажешь любить. Надо отдать себя во власть любви, ведь только в этом заключается смысл жизни.
- Что с ним будет?
- Всё устроится, устанется. Таковую, как ты, он больше не найдёт.

5.

Глеб уволился с работы. Фирма, деньги которой пытались похитить бандиты во время нападения на инкассаторов, выплатила Глебу премию – тридцать тысяч рублей. На эти деньги Глеб мог прожить один-два месяца, не работая. Без работы он чувствовал себя одиноким. Дома он читал книги и смотрел телевизор. Вечерами он обычно шатался один по городу. Близких друзей у него не было. Старые друзья пережились и с ними он редко виделся. Он не любил кладбища, но однажды пришёл на могилы Серёги и Вадимыча возложить на могильные бугорки белые гвоздики.

По телевизору показывали передачу о стройке. Глеб, лёжа на кровати, читал газету, одним глазом поглядывая на экран телевизора. Он задумался и отложил газету. А, что если ему пойти работать на стройку? Его отец был строителем. Это тяжёлый труд. Ну и что? Может быть, он привыкнет? Может быть, ему понравится?

В Звёздном Глеб насчитал три стройки. Он отправился на одну из них. На зелёном из гофрированного железа заборе висел плакат с изображением двенадцатиэтажного дома из белого кирпича. Этот проект пришёлся Глебу по душе больше, чем два других. Рядом с плакатом были распахнутые ворота, в которые осторожно прошмыгнул Глеб. Во дворе стройки стоял страшный гул. Работали разные агрегаты и высокий кран. Около двух контейнеров с мусором разговаривали мужчина в синей спецовке и оранжевой каске на голове с хорошо одетым брюнетом в чистых синих джинсах и бежевой рубашке с коротким рукавом. У брю-

нета в руках были файлы с документами. Глеб предположил, что это какой-то начальник. Закончив разговор, он пошёл в сторону Глеба.

– Извините, можно вас на минуточку, – обратился к нему Глеб.

– Да.

Брюнет остановился.

– Я ищу работу.

– Что вы умеете делать?

– Ничего.

– Так. Ладно, пошли за мной.

Они прошли в строительный вагончик, где было устроено что-то вроде кабинета с двумя письменными столами. На стенах висели схемы и фотографии. Человек, к которому обратился Глеб, оказался представителем фирмы строящей дом, менеджером Ильёй Даниловым. Он сел за стол, бросил на него файлы с бумагами.

– Есть вакансии подсобный рабочий, – предложил он.

– Какая зарплата? – спросил Глеб.

– Двадцать две тысячи.

На другой день Глеб вышел на работу. В его обязанности входило подносить вёдра с раствором каменщикам и подавать им кирпичи. Он работал с каменщиком Петром, которому было уже близко к пятидесяти годам. Пётр имел миниатюрные черты лица и был склонен к полноте. Он был серьёзным и немногословным. Всё время рядом с Глебом находился Мыкола из западной Украины. Мыкола был, как и Глеб, подсобным рабочим. Мыкола отличался скромным и безропотным характером. У него было узкое лицо и высокий рост. Глеб и Мыкола подавали кирпичи и раствор Петру. Глеб возненавидел новую работу с первого же дня. Он приползал домой после первых рабочих дней уставший и опустошённый. Сил хватало только на то, чтобы пожарить яичницу и выпить бутылку пива. Зато сон был крепкий и глубокий.

Уйти, уволиться, забыть, как страшный сон, эту проклятую стройку. Упаднические мысли постоянно копошились в голове Глеба. Но его останавливало то, что он не хотел выглядеть слабаком. Надо выдержать хотя бы месяц. Проверить себя, проверить свой характер. Так решил Глеб. Вторая неделя уже проходила легче первой. Глеб чувствовал, как у него набухли на руках мускулы от постоянного физического труда.

Обедали там же, где и работали. Погода позволяла. Клали седьмой этаж. Дошли до середины окна. Устроившись на ветошах и досках, ели бутерброды и консервы. Вверху голубело небо. Где-то у другой бригады звучало радио. Пётр не любил ни радиопередачи, ни музыку, поэтому его бригада работала в тишине. Однажды он сказал, что не любит политику и культуру. Глеб подумал, что Пётр живёт сугубо мещанскими интересами и заботами. Он никогда не рассказывал о своей семье, а тут вдруг вспомнил о близких.

– У меня дочь замуж собралась.

– Поздравляю, – сказал Глеб.

– И я, – присоединился Мыкола.

– За кого? – спросил Глеб.

– За какого-то урода.

– Почему урода? – спросил Глеб.

– Неместный; ни кола, ни двора; ни работы нормальной. Запудрил мозги девке. Не думал я, что моя дочь окажется такой дурой.

– Запретил бы ей выходить за него замуж, – предложил Глеб.

– Пытался, но жена с дочерью одолели, принудили смириться. Ну и хрен с ними. Всё равно разведутся. Дураки.

На нижних этажах работали бригады женщин штукатуров. Когда Глеб освоился с новой работой, он обрёл интерес к жизни и новым впечатлениям. По возможности он изучал женщин штукатуров. Так он заметил на четвёртом этаже Маргариту пышную блондинку тридцати лет из Иванова. У неё было маленькое симпатичное курносое лицо. Во время перекуров Глеб бегом спускался к ней на этаж. Маргарита бросала работу и выходила на лестничную клетку курить с ухажёром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.